

Цин Цянь болела долго, и всё это время Цзян Жулянь служила ей живой грелкой.

В сутках двенадцать страж, и большую часть этого времени Цин Цянь проводила в полудрёме.

Она лежала на боку, свернувшись калачиком, с безмятежным выражением лица. Та, кем некогда восхищались все младшие ученики, сжалась на кровати в крошечный комочек.

Словно сугроб, что тает от первого же луча солнца.

Цзян Жулянь осторожно переползла с подушки поближе к Цин Цянь и склонила голову, прислушиваясь к её дыханию.

Одеяло было слишком толстым, а грудь Цин Цянь вздымалась едва заметно, поэтому Цзян Жулянь приходилось терпеливо ждать, прежде чем она могла позволить себе выдохнуть.

Иногда, если Цин Цянь не просыпалась вовремя, чтобы принять лекарство, Цзян Жулянь меняла дислокацию и сама подогревала отвар для наставницы.

Лишь изредка у Цин Цянь хватало сил опереться на изголовье и почитать книгу.

Тогда Цзян Жулянь, приняв свой истинный облик, нащёптывала ей на ухо:

— Наставница, можете спрятать меня за пазуху.

— ... — Цин Цянь перевернула страницу, не удостоив её ответом.

Цзян Жулянь не сдавалась:

— Я очень тёплая, да и на ощупь мягкая.

Возможно, Феникс, говорящий человеческим языком прямо над ухом, был слишком назойлив, и Цин Цянь, не выдержав, в конце концов позволила ей устроиться на своём плече.

С одним условием: не издавать ни звука.

Цзян Жулянь была на седьмом небе от счастья — разве до условий, когда ты так близко?

На этом месте она каждый день могла слушать, как наставница читает ей вслух, и этого было более чем достаточно.

Пожалуй, огонь Феникса действительно оказался эффективнее любых отваров и заклинаний: после месяца мучений Цин Цянь наконец пошла на поправку.

Стоило ей выздороветь, как она тут же отправила Цзян Жулянь обратно в павильон Минчжан на учёбу, а сама вновь отправилась на охоту за демонами.

Цель Цзян Жулянь изменилась: если раньше она спешила домой к наставнице, то теперь старалась поскорее закончить обучение, чтобы иметь возможность сопровождать её в вылазках.

На практических занятиях остальные ученики сбивались в группы, тренируясь и обсуждая приёмы, и лишь Цзян Жулянь, будучи демоном, сидела в стороне от всех, погружённая в свои мысли.

— Эй, ты... — раздалось сзади.

Похоже, звали её? Но Цзян Жулянь не желала отвлекаться, сосредоточенно разглядывая белый камешек в руках.

Для неё красивые камни были куда интереснее, чем некоторые люди.

Видимо, не дождавшись реакции, тот человек подобрал гальку и без тени смущения швырнул в неё.

Цзян Жулянь не обернулась, но словно затылком почувствовала опасность — она легко уклонилась, слегка наклонившись.

Она оглянулась. Какой-то юноша, скрестив руки на груди, с насмешливой улыбкой произнёс:

— Я только что выучил новую технику поимки демонов. Мы же соученики, может, позволишь мне потренироваться на тебе?

Это было завуалированное оскорбление. Как Цзян Жулянь могла согласиться? Она нахмурилась и отрезала:

— Нет.

Юноша не унимался:

— Не будь такой букой. Вижу, как тебе нравятся камни — давай я обменяю их на целый мешок?

— Не интересно.

Цзян Жулянь, крайне раздражённая, развернулась и ушла, попросту сбежав с дневных занятий.

Как только Цин Цянь вернулась, она обиженно прильнула к ней:

— Они называют меня демоном, камнями кидаются... Наставница, что мне сделать, чтобы меня не ненавидели? Я ведь их даже не трогала.

Это была чистая правда: если не считать той давней стычки с толстяком, она больше никого пальцем не тронула.

Она молча сносила всё, что о ней шептали за спиной.

Маленький Феникс опустила ресницы, теребя край одежды. Она выглядела как обиженный ребёнок, ищущий утешения у того, кому доверяла больше всех.

Цин Цянь помолчала, а затем спокойно произнесла:

— Ты и есть демон.

Эти слова вряд ли можно было назвать утешением. Цзян Жулянь опешила, не зная, что ответить. Она хотела оправдаться, сказать, что ведёт себя хорошо, что её человеческий облик ничем не отличается от людей.

Но прежде чем она успела что-то сказать, Цин Цянь добавила:

— Зачем тебе заботиться о том, что думают люди?

— ...

В голове у Цзян Жулянь стало пусто. Она никогда не задумывалась об этом.

Почему ей так важно их мнение? Потому что она с детства не контактировала с миром демонов? Или потому, что её наставница — человек, и она сама подсознательно стремится к признанию среди людей?

Цин Цянь дала ей время на раздумья.

Солнце клонилось к закату, секунды тянулись в тишине.

Наставница взглянула на небо, подвинула Цзян Жулянь шкатулку и жестом велела открыть её.

Цзян Жулянь, не понимая, в чём дело, нажала на защёлку — и затаила дыхание.

Внутри лежал кусок прозрачного, ярко-красного, словно кровь, нефрита. Озарённый лучами заходящего солнца, он засиял мягким внутренним светом.

Благодаря чистоте камня, даже необработанный, он стоил целое состояние.

На пике Цинло не было недостатка в деньгах, да и Цзян Жулянь не имела понятия о ценах, но для неё этот камень был самым прекрасным из всех, что она когда-либо видела.

Её взгляд прикипел к нефриту, она не могла оторваться.

— Это мне?

Цин Цянь кивнула. Её голос звучал мягче обычного, словно журчание ручья в лунном свете — прохладный и успокаивающий, избавляющий от тревог.

— Подарок на твой день рождения. Я не знаю, когда ты родилась, поэтому выбрала день, когда нашла тебя. И в каждый последующий год...

Она внезапно замолчала.

Цзян Жулянь бросилась в объятия Цин Цянь, не заботясь о том, хочет ли та этого, и уткнулась лицом в её плечо, взлохматив волосы.

— Я хочу каждый год отмечать его вместе с вами, наставница.

Похоже, у неё был дар предвидения, подобный вороньему карканью.

На второй год после того, как она загадала это желание, ей пришлось встречать его в одиночестве.

Цин Цянь столкнулась с барьером в совершенствовании и добровольно ушла в затворничество на три года.

Три года... За это время росток бамбука мог вытянуться на десять метров, но бамбуковая роща

на пике Цинло так и не расширилась.

Обычный ученик горы Тинъюнь за это время уже мог самостоятельно спускаться с горы и умирять мелких демонов, а Цзян Жулянь из той самой птицы превратилась в ту, о ком не говорят.

Её миловидное личико стало ярким и броским, в нём появилось нечто хищное.

Лишь птенцы вызывают умиление своей беззащитностью, но повзрослевший Феникс становится лишь прекраснее и опаснее.

Как только Цин Цянь ушла в затвор, характер Цзян Жулянь переменился. Она сменила ученическое одеяние на алое платье, а в её улыбке всё чаще сквозила насмешка.

Всё началось с урока алхимии.

Сидевший рядом ученик протянул ей полено и небрежно бросил:

— Эй, как там тебя... Цзян Жулянь? Разожги-ка огонь.

Цзян Жулянь, скучая, зевала, глядя на печь, и даже не удостоила его взглядом.

Рядом был открытый огонь, зачем просить её?

— Эй! Ты что, оглохла? Старший брат к тебе обращается!

Юноша был явно недоволен. Он бесцеремонно ткнул поленом ей в лицо, но Цзян Жулянь перехватила его рукой.

В мгновение ока огонь Феникса охватил дерево и с грохотом взорвался, языки пламени лизнули волосы обидчика.

Тот в ужасе закричал, пытаясь сбить пламя руками. Он применил заклинание воды, выливая на себя литры, но огонь разгорался лишь сильнее.

Через несколько секунд от его волос не осталось и следа, а озорной огонёк, попрыгав, вернулся на ладонь Цзян Жулянь.

— Ещё огня нужно? — она изогнула губы в улыбке, прекрасной и ядовитой. — Не стесняйся, у меня его в достатке.

— Цзян Жулянь! — старейшина, ведущий урок, покраснел от гнева. — Нарушаешь дисциплину! Марш в Зал наказаний!

— Слушаюсь.

Цзян Жулянь равнодушно собрала вещи и ушла. С того дня она стала завсегдатаем Зала наказаний.

Прогулы, драки, тайные вылазки с горы — однажды она даже выпустила трёх синих птиц, пойманных мастером пика Хэнъю.

Узнав об этом, мастер Хэнъю в ярости раздавил чашку прямо перед ней:

— Мерзавка! Вон с горы Тинъюнь!

Цзян Жулянь невозмутимо ответила:

— Строго говоря, я не ученица Тинъюнь, а всего лишь демон с пика Цинло. Чтобы выгнать меня, вам придётся дожидаться возвращения Бай Юньсе.

— Ты! — он ударил кулаком по столу, но его удержали стоявшие рядом люди.

— Сяо Бай говорила, что её нельзя выгонять, от неё есть польза, — зашептали они.

— Оставь её, это просто детский нрав...

— Да что там те птицы, они и в подмётки ей не годятся.

Цзян Жулянь усмехнулась:

— Если вопросов больше нет, я пойду.

Она действительно ушла. В этом месте ей было неинтересно.

Три года она жила так, как хотела, став одиозной фигурой на горе Тинъюнь, и не собиралась меняться.

В день, когда Цин Цянь вышла из затворничества, она с самого утра ждала у входа. Остальные ученики не смели приближаться ближе чем на десять метров, боясь, что их волосы постигнет участь того парня.

Каменные ворота медленно отворились. Цин Цянь, отвыкшая от яркого света, подняла руку, чтобы прикрыться, и тут же оказалась в тени.

Она подняла взгляд. В сиянии весеннего солнца перед ней стояла Цзян Жулянь в алом, как пламя, наряде. Она раскрыла зонт и улыбнулась, и Цин Цянь невольно отвела глаза.

Слишком ослепительно.

Цзян Жулянь протянула руку, медленно провела ею от своей макушки до лба Цин Цянь и с гордостью произнесла:

— Я теперь такая же высокая, как наставница.

Цин Цянь опустила глаза и, чувствуя неловкость, сделала шаг назад:

— М-м.

— Мы так долго не виделись, наставница, вам нечего мне сказать?

Цзян Жулянь ждала хоть доброго слова.

Но вместо этого она увидела, как наставница нахмурилась:

— Ты выполнила домашнее задание по учёбе?

*

Сердце бешено заколотилось, и Цзян Жулянь резко проснулась. Ударившись головой о крышку гроба, она издала глухое: «Бум!»

Больно.

Она поморщилась и откинулась назад. Столько лет прошло, почему ей до сих пор снятся эти школьные дни?

В гробу было душно, а мозг, только начавший функционировать, пребывал в смятении.

Она на мгновение забыла, что произошло, просто толкнула крышку и села, чтобы вдохнуть воздуха.

Вокруг была вода, над которой стелился белый туман. Ветер гнал облака, утренняя заря едва брезжила — казалось, это место за пределами мира живых.

Ах да, она ведь, скорее всего, уже умерла.

Цзян Жулянь подняла руку — чёрной линии на запястье действительно не было.

Она огляделась. Туман застилал обзор, но на берегу смутно виднелся силуэт. Белые волосы, глаза цвета глазури, словно подёрнутые тонкой бумагой, пустые и отрешённые.

Выглядела она очень печально.

Цзян Жулянь несколько секунд смотрела на неё, а затем снова легла в гроб, сложив руки на груди, сжимая тот самый красный нефрит.

На берегу реки Ванчуань можно увидеть иллюзию наставницы? Чёрт, да это же просто счастье какое-то.

<http://bllate.org/book/21741/2247724>